

Кошляков Валерий

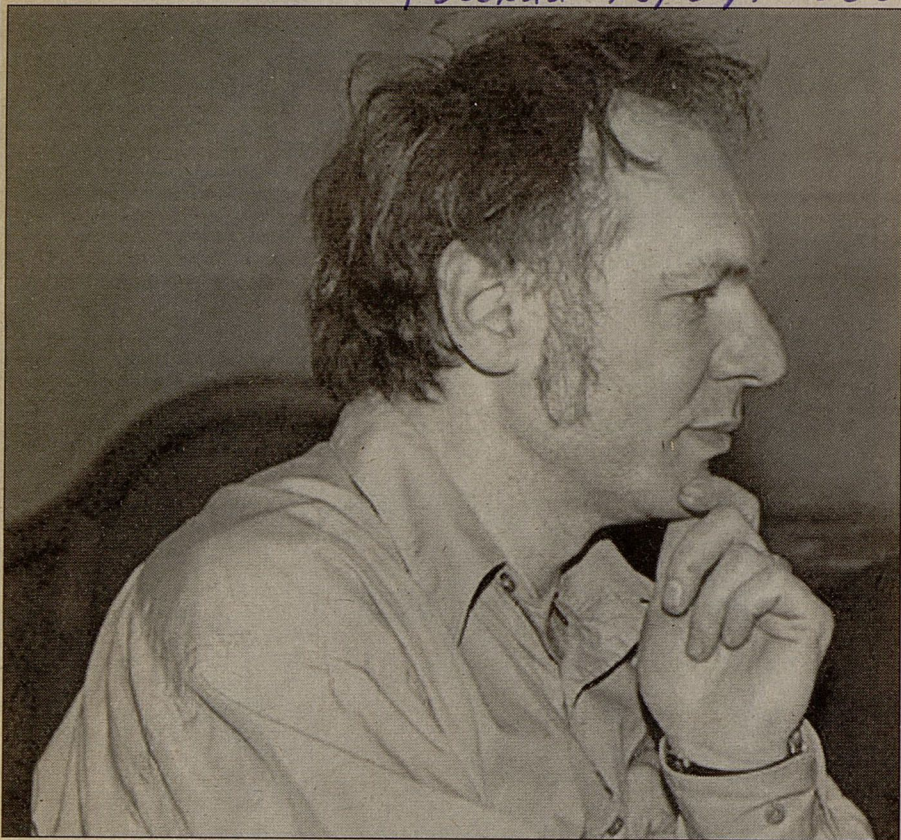
2005

Интервью номера

Русский курьер. - 2005. - 20 янв. - с. 29

Ностальгия по Парфенону

Живописные фантазии
Валерия Кошлякова

Юрий КОВАЛЕНКО, Париж

42-летний Валерий Кошляков – один из самых востребованных на Западе современных российских художников. В нынешнем сезоне только в Париже он выставлялся в столичной мэрии, в соборе Святого Людовика, в нескольких галереях и наконец на Международной ярмарке современного искусства (ФИАК). Ему посвятил экспозицию римский Музей современного искусства. Он также участвовал в Венецианской биеннале, в выставке «Москва – Берлин» и проч., и проч.

Кошляков создает живописные фантазии на темы классических шедевров искусства, типа «Моны Лизы» и знаменитых архитектурных памятников – Парфенон, Колизей, собор Парижской Богоматери, Триумфальная арка. Валерий испытывает, говоря словами Мандельштама, «ностальгию по культуре», которую рассматривает как некий идеалистический и романтический идеал. При этом он экспериментирует с материалом, творит вечное на тленном: на листах упаковочного картона, используя клеящую ленту скотч, изображает античные руины, итальянские площади, московские высоты. Валерию хочется работать в общественном пространстве – написать полноформатно для вокзала или для здания почтамта. «Еще со времен Ренессанса», – говорит он, – это старейший способ донести искусство до масс, которые не ходят в музеи или в галереи».

Уроженец города Сальска, Кошляков закончил в Ростове-на-Дону художественное училище, там же работал в Театре музыкальной комедии и вступил в товарищество «Искусство или смерть», а затем в другое объединение – «Осушасшедшие Безумцы». Его первые выставки в Москве в начале 90-х годов назывались «Ночь в Венеции» и «Парфенон». На ФИАК-2004 он был представлен сразу в двух галереях – Илоны Орел и Марата Гельмана.

– Валерий! Какую роль играют в ваш взгляд, ярмарки в жизни современного искусства?

– Специфика всех ярмарок состоит в том, что на них к искусству особое отношение. Здесь нельзя продавать все то, что производится в мире художниками. И поэтому я считаю, что живописцы, которые сформированы такими ярмарками, имеют особый язык. Это коммуникативное искусство, некая тайная и завораживающая игра между мастером и покупателем. Здесь нет просто зрителей, здесь есть потенциальный клиент. Он как бы заведомо диктует конъюнктуру художника, который пытается угадать: «Что

же тебе, сволочь, надо?» Одни красиво выходят из этой ситуации, другие делают только конъюнктуру. А клиент хочет яркое, веселое, упрощенное...

– Хорошо ли это, когда искусством торгуют, как банальным товаром?

– На ярмарках зритель не тот, который ходит в Лувр. Он другой, особый, несколько продвинутый, требующий очень частых новаций, скупающий. Его постоянно надо веселить.

– Но разве задача художника в том, чтобы веселить, быть шоуменом?

– Я не стыжусь, что зарабатываю деньги искусством, которое покупается, а не тем, что, как в советские времена, дежурил сторожем. Нет, я не поступил на принцип – Кубрик тоже снимал много коммерческих фильмов. Это ничего не значит. Тем не менее такой коммерческий диктат есть, безусловно.

– И вы его жертва?

– Нет, я не жертва, не весельчак, не провокатор и не новатор. Я хочу не обмануть весь мир, а лишь декларировать мой концептуальный проект.

– Любимый великий мэтр – художник одновременно коммерческий. Тициан тоже писал по заказу свои шедевры...

– Некоторые расцвели именно в коммерческом образе. Что для одного хорошо, то для другого – смерть. Другое дело, что отношение сегодня к шедевру радикально поменялось.

– Вы, кажется, начинали как театральные художники?

– Я работал как исполнитель, рисовал в театре гигантские задники по старым эскизам XIX века – Булонские леса, сады и прочую дребедень. Мне эту «театральность» приписывают, а я больше склоняюсь к монументальной линии.

– В свое время вы состояли в товариществе авангардистов «Искусство или смерть»...

– Это товарищество родилось в 1988 году в Ростове-на-Дону. На тот момент это было актуальное название. Мы отвечали в райкоме партии за свои произведения. Тогда это был конформизм, а сегодня – остаточное явление. Собственно говоря, для меня и сегодня вопрос так и стоит – искусство или смерть. Другого выбора нет.

– Чем вы объясняете ваш бешеный успех на Западе?

– Дело не во мне, а в галереях, которые мной занимают. Мы все талантливые и хорошие. Но кто нами занимается? Сегодня я такой же, каким был и в Ростове-на-Дону. Кто тогда меня знал? 10–20 человек! Дело не в художнике, а в структуре, которая им занимается. Нет в России такой структуры, которая могла бы заниматься нами, как занимаются немецкими или американскими художниками.

– То есть сейчас такими структурами для вас стали галереи Марата Гельмана и Илоны Орел?

– Безусловно. Я им очень обязан.

– После всех выставок в ведущих музеях мира у вас не появляется головокружение от успехов?

– Я знаю, что такое успех. Когда я сравниваю себя с кем-то, то понимаю, что я никто.

– И с кем же вы себя сравниваете?

– Возьмите маленькую работу Курбе, и вам станет все ясно. Она затмивает весь ФИАК.

– Ваши работы часто называют импровизациями на классические темы – Парфенон, Триумфальная арка, Мона Лиза...

– Это для меня вопрос серьезный. Я занимаюсь не искусством, а выяснением своих личных отношений с культурой. Художник должен расшиться в лепешку, но самовыразиться, найти свое «я». Это доктрина многовековая, и особенно XX столетия. Индивидуализм превратился в культ.

– Некоторые критики считают, что в своих произведениях вы берете за основу известные шедевры и поэтому ваше искусство вторично...

– Я заведомо предал себя смерти. Это безусловно.

– Иными словами, вы пошли на творческое самоубийство?

– Конечно. Я везде об этом говорю. И в этом нет никакой иронии, есть только своеобразный реализм.

– Вы работаете с гофрокартоном, со скотчем, то есть с «временными», а не с вечными материалами, не думая ни о потмах, ни о завтрашнем дне...

– Художник Кошляков вышел из картонного ящика – это не секрет. Москва – это был 90-й год – была завалена ящиками, потому что был большой завод компьютеров, телевизоров и офисной мебели. Я их нашел на улице и применял, как плоскость, как гигантские фрески. Потом в этих ящиках я обнаружил скотч. И стал с ними работать...

– На вашей выставке «Империя культуры» в парижской церкви Святого Людовика подожгли одну работу. Это была провокация?

– Никакой провокации. Есть очень неудачный выставочный контекст, выбранный XX веком, когда храмы превращаются в выставочные залы. И есть люди, несогласные с этим. Их можно понять. Я никого не осуждаю. Я там сделал языческие вещи – греческий храм, торс Афродиты. Я понес потери, и это нормально, хотя их счесть нельзя. И в этом есть их концепт. Ни одно землетрясение не может разрушить Парфенона.

– Кого вы считаете своими мэтрами в живописи?

– Я люблю античную культуру – по подпо-

ду, по взглядам, по материалам, которые они производили.

– Можно сказать, что вы вышли из Эллады?

– Это слишком высокая честь.

– Недавно отмечалось 30-летие легендарной «бульдозерной выставки». Как вы относитесь к художникам этого поколения?

– У меня к ним, прежде всего, 200 процентов уважения. Выстоять, выжить, выстрадать и что-то сделать! Это суперинтеллектуалы, начитанные, интеллигентнейшие, интереснейшие люди... Наше поколение страдает обратным.

– Иногда считают, что образование таланта или гения ни к чему – оно только его портит. Пикассо не был очень образованным человеком...

– Пикассо был гиперобразованный человек только потому, что обладал гениальнейшей художественной интуицией. Это выше любых мозгов! Если художник при его таланте еще и умный, еще и книжек много читал, то это не повредит.

– На ФИАКе я прислушивался к разговору зрителей. «Не дурачат ли они всех нас?» – задавался вопросом один из них. – В зеркало вбили гвозди! За кого они нас принимают?!

– Художники с галерейщиками выполняют социальный заказ. Гвоздь в зеркале не провокация. Это вторично. Но покупатель, который задает такие вопросы, клюет и приобретает. В этом и ловушка.

– Сегодня наши художники живут на 2–3 дома – во Франции, России, США. Вы себе выбрали Германию...

– Нет, я ничего не выбрал. Я на распутье. Мне хочется жить в России. И я бы отсюда никуда не уезжал. Но так сложилось, что у меня семья в Германии. Я бываю там два месяца в год. Поэтому трудно сказать, где я живу. Я сейчас приехал из Бостона, где провёл месяц, а прошлый год жил в Париже. Мне лично очень нравится Италия – мастерскую бы напротив Колизея, и больше ничего не надо.

– Вы никогда не думали заняться фресками?

– О, это моя мечта! Но нет заказов. Все боится испортить стены. «В чем же вопрос, – спрашиваю я. – Надоест, а выбрасывать жалко. Картинка надоест – убрал, а с фреской будет проблема».

– Вам не обидно, что сегодня в России

знают трех живущих художников – Шилова, Глазунова и Церетели.

– У Шилова в Лондоне есть шикарная галерея, и он продается за 40 тысяч долларов. Значит, это направление востребовано...

– Сейчас возникла прочная мода на соцреализм, и галереи скупают картины вагонами...

– Я бы сам скупал, если бы у меня были деньги.

– Зачем?

– Качество! Я сам имею маленькую коллекцию и хожу в галерею на Сивцевом Вражке к Наташе Быковой, которая специализируется на соцреализме. Она ездит по провинции, собирает этих художников и имеет мощный успех на Западе.

– «Сталин и Ворошилов на Красной площади» и прочее – это же антиискусство!

– Соцреализм ценен тем, что он находится в традициях русского, а не французского или немецкого искусства. Это русское явление, и его покупают как русский продукт.

– Какой ваш творческий маршрут после Парижа?

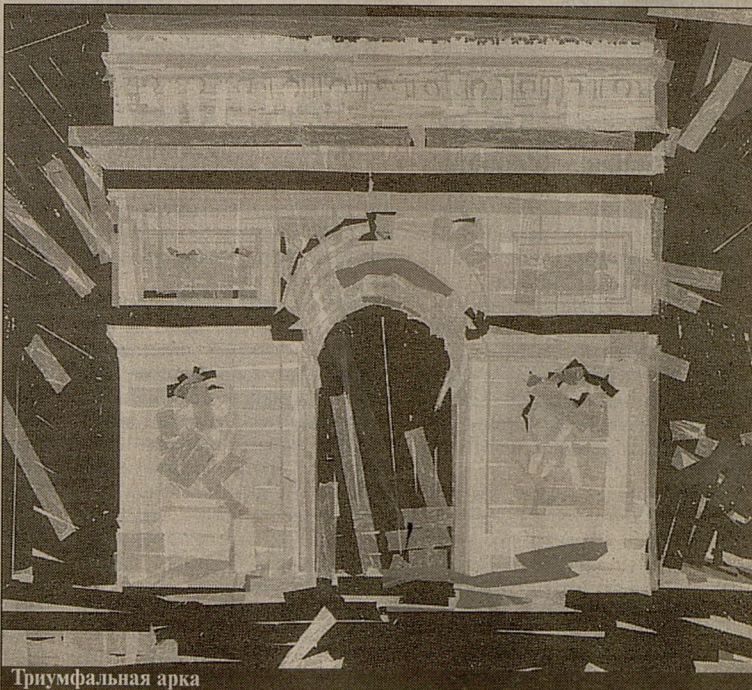
– Я представляю проект римского Музея современного искусства на биеннале в Москве в начале 2005 года. Буду участвовать в галерее Гельмана в групповой выставке, которая называется «Россия 2», а в Русском музее сделаю выставку «Одежда пространства». Она будет посвящена моим последним изысканиям в области пластикообъемных форм. Вот! (говорит с иронией).

– Вы продолжите сотрудничать и с парижской галереей Илоны Орел, которая специализируется на русском авангардном искусстве?

– Если она во мне не разочаруется. А то скажет: «Кошляков, ты знаешь, не покупаются твои работы. Извини. До свидания». Так разговаривают в Америке. Звонит секретарь галереи и говорит: «Мы не можем продать ваши работы, заберите их!» Тем не менее я думаю, что рынок – это тоже интересная среда искусства, в которой можно и развиваться, и играть с публикой.

– Вас знают гораздо лучше на Западе, чем в России...

– Меня в России – я имею в виду Москву – 50 процентов людей не любят, а 50 – любят. И это очень большой процент любви. У нас особое отношение к художнику. Мы все жалуемся, но в России творца боготворят, и к нему отношение совсем другое, чем на Западе.

Триумфальная арка